

Авангард и идеология

Послесловие к коммунизму советов

Йоахим Брун

2003

— Рабочий класс либо революционный, либо он не существует.

Карл Маркс, 1865

Труд есть религия социализма.

— Фридрих Эберт, 1918

Революционные движения европейского пролетариата вспыхивают в эпоху между 1870-м и 1936-м годами, во время, которое начинается с Парижской коммуной, затем достигает своего апогея в немецкой Ноябрьской революции, итальянском «biennio rosso», восстанием в российском Кронштадте в 1921-м, чтобы навсегда завершиться в 1936-м году вместе с Испанской революцией. Все эти движения доказывают, что организации пролетарского класса, его партии и профсоюзы не способны понять ни его сути, ни его сущностного интереса, т.е. не умеют выразить их и воплотить. Более того, эти организации трансформируют класс в сословие временно занимающихся капитально-продуктивными задачами государственных граждан; они превращают классовую борьбу в смазочное средство для накопления. Но и сам класс не понимал себя, когда назначил эти организации своими интерпретаторами и адвокатами, когда он настаивал на том, чтобы его интерес, т.е. «экономику труда» (Маркс) признали в форме права и при помощи государства. Хотя таким образом класс обращается против капиталистических отношений в их тотальности, одновременно против эксплуатации и власти как в только в таком виде становящейся практической «критике политической экономии», он восстаёт одновременно против капитала и суверенитета как против всего лишь различных проявлений идентичного, негативного в себе общественного отношения.

Но остаётся проблема центральности, в том числе и организационной: снятие политического суверенитета капитала требует противостояния ему на равных, его упразднения как социально действительного. «Диктатура пролетариата» в виде яacobинской, централизованной и военизированной кадровой партии - это ответ воинствующего крыла социал-демократии, против которого подлинные теоретики класса выдвинули идею «пролетарского антибольшевизма», а также: «марксистского антиленинизма» и мобилизовали практику советов. Именно советы должны были

проводить аутентичную самоинтерпретацию класса и при этом решить проблему центральности, решаемости и социальной обоснованности. Подобно тому, как партийная форма призвана авторитарно приписывать и диктовать эмпирическим трудящимся объективно-научное классовое сознание сверху, так и форма советов должна обобщать и заострять эмпирическое сознание трудящихся снизу до его революционной истинности: Не возникает вопроса, какая концепция является более эмансипативной и правдивой; но также нет сомнений и в том, что ни та, ни другая концепция не могут разрешить взаимоотношений между классом и личностью, вопроса о сущности класса и эмпирии наёмного труда, о правде капитала и возникающей идеологии о, например, «достойной оплате труда», а скорее только мечутся в этой дилемме. Дедукции авторитарного, «научного социализма» как и индукции антиавторитарного коммунизма лишь ходят вокруг да около этих проблем. Это составляет обе стратегии, авторитарную и либертарную, понимать сущность класса, рабочей силы как изначальной социальной силы, которая лишь отчуждает себя в капитале, как нечто, что не тождественно самому себе и которое не осознает себя, которая составляет общество, но только без сознания. Капитал же, напротив, должен был быть производным и иллюзией, оккупацией и высокомерием. Следовательно, как не понята продуктивность политической формы, т.е. её способность к трансформации; не понята и производительность экономической формы: её способность к абстракции и субсуммации. Всё это делает ленинизм столь же устаревшим, сколь и коммунизм советов вышедшим из моды.

Однако, когда материалистическая критика рабочего класса ещё, возможно, могла помочь, рэтекоммунисты из фракций официального рабочего движения СДПГ и КПД занимали наиболее передовую позицию. Не только потому, что в своих текстах, как Вилли Хун, указывали на этатизм социал-демократии и предостерегали от идеологической навязчивой идеи, что государство - понимаемое только как принцип - является воплощением и проводником народной воли; не только потому, что начиная с 1917-го года, с тех пор как Роза Люксембург написала свою книгу о русской революции, они объясняли сначала ленинизм, а затем, как его наследника, и сталинизм как производственные отношения государственного капитализма; не только потому, что они развили принцип советов как самоорганизации и самоуправления пролетариата, нет — их авангардизм заключается главным образом в том, что они впервые со времён утопического социализма, а также по эту сторону «научного социализма», они впервые изложили «Основные принципы коммунистического производства и распределения». В 1930-м г., за три года до так называемого так называемого нацистского «захвата власти». Именно такие авторы, как Антон Паннекук, Герман Гортнер и Карл Корш, развили содержание коммунизма как безгосударственного и бесклассового мирового общества, а затем, после 1945 года и в почти полной изоляции, Кайо Брендель, Пауль Маттик и некоторые другие.

В постфашистскую ночь эпохи Аденауэра тексты Вилли Хуна отличались ясностью и авангардизмом; в особенности его хорошо документированный тезис о том, что социал-демократический марксизм периода «классового перемирия» после 1914 г. относится к непосредственной предыстории и подготовке нацистского фашизма, демонстрирует насколько долгосрочным было влияние родовых преступлений германской государственности, совершённых в межклассовом сотрудничестве. Но

авангардизм этой осознания в то же время прямо идеологичен. Создаётся впечатление, что осознание было позволено только тогда, когда она выражает своё возвышенное согласие с критикуемыми силами. В том, что исследование Вилли Хунм фашизма не только не обходится без малейшего понятия об антисемитизме, но и фактически занимает другую сторону баррикады, становится ясно, что эмансипативное содержание советского коммунизма было исчерпано. Ибо, несмотря на всю критику социал-демократии, как показывает его работа «Итоги десятилетия», он в точности перенимает её позицию в отношении антисемитизма как «социализма глупцов», сформулированную Августом Бебелем ещё в 1893 году, как её выразил Фридрих Энгельс и как её повторил Сталин. (См. Энгельс «Об антисемитизме», 1890 и Сталин «Об антисемитизме», 1931) Его намерение через критику СДПГ сделать возможным «возрождение идеи советов», терпит неудачу, оказываясь недостаточно радикальным в применении материализма к марксизму.

Как будто после 8 мая 1945 года среди социалистов и коммунистов всех фракций установился единый фронт коллективного молчания по поводу массового уничтожения, будто бы тем громче проповедовались класс, классовая борьба и классовое сознание, чем безнадежнее молчали мёртвые. Независимо от того, опубликовал ли в 1946 году левый социалист Пауль Зеринг (Рихард Лёвенталь) свою книгу «По ту сторону капитализма» как «вклад в переориентацию социализма»: национал-социализм был и остаётся «нигилистическим бунтом бунтом против Европы», чья «последовательная реализация расовой теории привела к истреблению миллионов людей» - о евреях нигде не упоминается и это обезчеловечивает. То же самое можно сказать и о том, что Антон Паннекук, «мыслитель революции» по словам Кайо Бренделя, в том же 1946-м году, опубликовал обширную книгу о рабочих советах, которая должна была стать подведением итогов и перспективой одновременно: Шоа как будто бы не было, как будто марксизм как мышление революции не был поколеблен в своих глубинных категориях. Наоборот, социал-демократические сказки будто бы повторяются снова и снова: по словам Паннекука, фашизм - это «политика большого бизнеса», народное расовое единство - «антикапиталистическое заблуждение», бомбардировки союзников — лишь средство для предотвращения грядущего «революционного народного восстания», а антисемитизм, по его словам, заключается в том, что «особая способность евреев к обращению с товарами и деньгами ... вызвала у мелких буржуа, страдающих от конкуренции со стороны торговых домов, сильные антисемитские чувства». Коммунизм советов всё-таки стал тем, что Вилли Хунм приписывает социал-демократической теории: «идеологией маскировки». Поэтому, хотя это и глубоко обескураживает, но уже не удивляет, когда Кристиан Рихерс в своей «Биографической справке» сообщает, что Хунм ещё задолго до «Шестидневной войны» 1967-го года любил распространяться о «странном параллельном развитии антисемитского расизма и сионизма» и «захвате земель государством Израиль»; в его наследстве также имеются обширные рукописи, которые лучше не читать, с такими неблагоприятными названиями как «Расизм и фашизм в иудаизме и сионизме (Антисемитизм и национал-социализм в Израиле)» (1961) или «Парадоксы - еврейские предки нацистских вождей» (1967). Коммунизм советов, авангард класса, выступает и как авангард антисемитской идеологии вообще и лево-немецкой идеологии, т.е. антисионизма в частности. Самое решительное диссидентство, настаивающее на

классовой борьбе, признаёт, участвуя в антисемитизме как в повседневной религии буржуазного общества и в антисоциализме как воскресном сознании его государственности, что до провозглашаемого социально-революционного антагонизма на самом деле ещё далековато и что тотальность господствует и над своим противоречием.

Кстати, этот вывод относится отнюдь не только к рэтекоммунизму: если присмотреться к позициям левого радикализма, то везде - от лево-коммунистических групп в традиции Амадео Бордига, ситуационистов в традиции Ги Дебора до операистов из группы «Wild cat» - преобладает одно и то же затмение ума, имя которому — идеология. Но откуда у материалистов берётся «общественно необходимое ложное сознание»?

Это должно быть связано с состоянием самого класса, как коллектива, теоретиком которого является коммунизм советов; и поэтому, следовательно, судьба самого класса должна отражаться в авангарде. Таким образом, провал теории пред лицом нацизма и фашизма обусловлен тем, что сам класс трансформируется, что он высвобождается из рук теории и открывает свою собственную практику. В том, что теория не способна реконструировать это развитие, в том, что она впадает в беспомощный протест, в том, что она настаивает на концепции класса, которая теперь является уже не критической, а онтологической концепцией класса, настаивая, наконец, на «фундаментальном противоречии между наёмным трудом и капиталом», как будто это внеисторическая вечность, «кризис революционной теории» завершается в политической агонии революционеров. Потому что идея негативной, вывернутой наизнанку социальной тотальности не могла быть воспринята, потому что диалектический смысл критики Маркса, что целое в силу своей отрицательной конституции представляет себя в самом себе, причём материально, и становится «автоматическим субъектом», потому что в целом прочтение «Капитала» рэтекоммунистами было крайне традиционным и догматическим - поэтому судьба, уготованная капитальному отношению при переходе от формального к реальному поглощению рабочей силы, была сокрыта от их сознания. Исчезает основа «двух экономик» и рабочая сила полностью втягивается в капитал, сводясь к той функции, которую она и раньше выполняла концептуально, а теперь ещё и в общественной практике. Утвердив в рабочей силе свою собственную концепцию - быть ничем иным, как чистой жизненной силой, а значит, переменным капиталом, - капитал и рабочая сила больше не сталкиваются в производстве, и производство больше не имеет двойственного характера процесса труда и процесса эксплуатации, но капитал взаимодействует сам с собой, как бы отсылает к себе, хотя и в иной форме, через себя. Всякая онтология класса, основанная на труде, сводится через реальное поглощение к ничтожности, т.е. к идеологии. Маркс осмысливает это развитие, представляя гегелевскую категорию «химизма» как идеальный образ капиталистического капиталистического производства, к которому оно толкает в своей реальности: «Капиталист, покупая рабочую силу, превратил сам труд сам труд как живой материал для брожения в мёртвые формообразующие элементы продукта, которые также принадлежат ему. (...) Процесс труда - это процесс между вещами...» (Маркс, «Капитал»), а капитал играет роль хитрости разума, которая «состоит в целом в посреднической деятельности, которая, позволяя предметам действовать друг на друга в соответствии с их собственной природой и обрабатывать друг на друге, не вмешиваясь непосредствен-

но в этот процесс, тем не менее лишь приводит его цель к осуществлению» (Гегель, «Энциклопедия философских наук»), т.е. к накоплению.

Это, радикализованное до чудовищной степени обвальным кризисом 1929-го г., создаёт материальную основу для «народного коллектива»: не являясь ни ложью, ни манипуляцией, «народный коллектив» - это программа массового убийства евреев, в которой она претворяется в жизнь. Нацистский фашизм - завершение этого краха, т.е. ликвидация классов на почве и средствами самого классового общества: именно поэтому 30-го января 1933 г. поставило марксизм на колени и безвозвратно превратило его в чисто литературную позицию, сохранившуюся лишь в академических ритуалах по «реконструкции марксизма». Нацистский фашизм и его наиболее концентрированное выражение - антисемитизм истребления - не только разгромили рабочее движение, но и уничтожили всё его теоретическое самосознание. До 1933-го года марксизм во всех его фракциях, от социал-реформистов до большевиков и рэтекоммунистов, оказался неспособным понять «классовое содержание» нацистского фашизма - «бесклассовое классовое общество» (Адорно, «Размышления о классовой теории», 1942), выраженное в антисемитизме. Им не только казалось невозможным, что может существовать новая, не предусмотренная эволюционным пониманием прогресса человечества от первобытного общества через феодализм и капитализм к социализму формация — варварство, - они даже не допускали ни малейшей мысли (и даже после 8-го мая 1945 г.) о возможности превращения буржуазного классового общества в народный расовый коллектив убийц, столь же межклассовый, сколь и снимающийся в ходе своего кризиса; это можно назвать, вместе с Манесом Шпербером, «нацификацией марксизма», которая продолжается и по сей день.

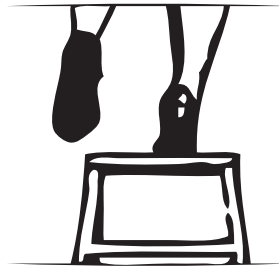
Критика Вилли Хуном социал-демократии пропитана догматизмом, настолько оторванной от реальности онтологической концепции класса, что он не замечает предвосхищения грядущего негативного упразднения классов в трудах своих «гарантов», прежде всего Вальтера Ратенау и Вихарда фон Мёллендорфа. Ибо Центральное трудовое объединение (надклассовая организация профсоюзов и работодателей для разрешения важнейших социальных вопросов в Германии) 1918-го года, продолжение военной экономики - это не только проект «белого» капитализма, в котором капитал и труд должны мирно разделить производство исключительно потребительных стоимостей, но и проект «депролетаризации капиталистическими средствами» (Ратенау, «Новое государство», 1919), «фордистского классового компромисса», который, как и его основатель Генри Форд, не может обойтись без антисемитизма и антисиионизма. Концепция общественной экономики, разработанная в основном Вихардом фон Мёллендорфом, соратником Вальтера Ратенау в отделе военного сырья, стала руководящим принципом экономической политики СДПГ, когда 20-го ноября 1918 года Мёллендорф вошёл в состав рейхсуправительства, уже после того как в 1917-м году на Вюрцбургской партийной конференции СДПГ были одобрены руководящие принципы экономической политики Генриха Кунова и Рудольфа Висселя. Будучи заместителем государственного секретаря в экономическом ведомстве Рейха при Рудольфе Висселе, рейхсминистре экономики, В. Мёллендорф занимался вопросами корпоративной организации экономики в многочисленных экспертных заключениях. «Общее экономическое сознание народа, объединённое в мозгу в мозгу всеведущего государства», - заявил он в своём труде «Deutsche Gemeinwirtschaft»

ещё в 1916 г. Там он утверждал, что экономическая инициатива должна быть деприватизирована и реорганизована по принципу техники и машины, чтобы все участники экономического процесса «стали ответственными членами немецкой экономики, обязанными служить, как солдаты». Вилли Хун анализирует национализацию и милитаризацию рабочей силы; он не задаётся вопросом, что именно в рабочей силе автоматически способствует её национализации и даже требует её.

Даже самая радикальная приверженность классовому характеру общества не способна стать искрой ниспровержения, бунта или революционного освобождения и разорвать контекст заблуждения - ни на уровне буржуазного общества в целом, ни применительно к постфашистскому обществу немцев в частности. Более того: настаивание на этом классовом характере как бы само собой воспроизводит антисемитизм различия между «накопительским» и «созидательным капиталом» - проективное действие, для которого радикальные левые на самом деле не нужны, поскольку буржуазное общество уже само его обеспечивает. Поэтому мы должны перестать наивно задавать «мрачный шуточный вопрос»: «Где же пролетариат?» (Адорно, «*Minima moralia*», 1951), подобно архетипу тибетского молитвенного колеса, изо дня в день, вчера и завтра. Это механизм защиты и подавления, который избегает вопроса о том, что может произойти (и уже произошло), когда эксплуатируемые объединяются с правителями, чтобы напасть на третью сторону - евреев, которые как таковые, как «народный класс» (Авраам Леон), не принадлежат ни к правителям, ни к эксплуатируемым и поэтому так же мало представлены в социальном образе исторического социализма, как и в реальности. Сегодня, когда общество соответствует тому образу, который сложился у Фридриха Энгельса к 1890-му году, и состоит только из наёмных рабочих и капиталистов, это противоречие уже не является антагонизмом, но лишь пустым противоречием, не имеющим революционного подтекста. (Эрнст Блох, «Наследство нашего времени», 1935) Никакая классовая борьба не может снять вину, только революция, как месть, доведёт её до общественного сознания: в этом и заключается объективная диалектика класса.

Коммунизм советов, который когда-то хотел стать будущим рабочего движения, сам стал историей, единственной историей, которую стоит помнить как провозвестником чего-то совершенно иного. В начале этой памяти лежит понимание, от которого Антон Паннекук уже не мог отказаться в 1946-м году, когда в заключение своей книги о рабочих советах он заявил, что «сущность бывшего рабочего класса распылена и растворена. Рабочие потеряли свой класс, они больше не существуют как класс, классовое чувство сведено на нет общим подчинением идеологии капитала». Как когда-то подметил Карл Маркс: Рабочий класс революционен. Или он ничто.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Йоахим Брун
Авангард и идеология
Послесловие к коммунизму советов
2003

Скопировано 24.02.2024 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=2983>
Перевод с немецкого. «Avantgarde und Ideologie. Nachbemerkung zum Rätekommunismus»,
из: *Willy Huhn, «Der Etatismus des Sozialdemokratie. Zur Vorgeschichte des Nazifaschismus»,*
2003

ru.anarchistlibraries.net